

СВОБОДА И СОЦИАЛЬНАЯ СИСТЕМА

Е. В. Кармазина (Новосибирск)

В статье представлена концепция сложной и противоречивой взаимосвязи свободы с безличными объективированными аспектами социальной жизни, которые обобщенно именуется социальной системой. Изложенная в статье интерпретация идеи свободы осуществляется в рамках субъект-объектной парадигмы. Взаимосвязь личности и системы рассматривается с позиции единства субъектных и объектных начал. Свобода исследуется в ее «внесистемном» и «системном» качестве.

Ключевые слова: свобода, субъект, объект, самореализация, самопричинность, социальная система, социальная роль, социальный институт, культура, идентичность.

FREEDOM AND A SOCIAL SYSTEM

E. V. Karmazina (Novosibirsk)

The paper presents a conception of sophisticated and controversial mutual connection between freedom and impersonal objective aspects of social life which are collectively called a social system. The presented in the paper interpretation of freedom is based on a subject-object theoretical scheme. Mutual connection of the person and the social system is realized within the framework of a subject-object paradigm. The interrelation of the person and the system is considered from the position of unity of the subject and object beginnings. Freedom is investigated in its «out-of-system» and «system» qualities.

Key words: freedom, subject, object, self-realization, self-determination, social system, social role, social institution, culture, identity.

Тема свободы – одна из наиболее фундаментальных в культуре – требует обращения к анализу диалектики индивидуально-личностного и социального аспектов человеческой жизни. В своей социальной жизни люди находятся, условно говоря, в двух измерениях, сущность которых может быть выражена в формулировках «человек и люди» и «человек и социальные роли». Первое измерение образует область субъект-субъектных отношений, сферу межличностного взаимодействия, которая в настоящее время все чаще обозначается терминами «интерсубъективность» и «жизненный мир». Второе измерение обобщенно именуется «системой» и маркирует значение в человеческой жизни безличных объектных феноменов (социальные нормы, роли, институты), рождаемых в макросоциальных процессах и закономерностях, но с необходимостью представленных в индивидуальной жизни каждого человека, его самосознании и личной

© Кармазина Е. В., 2012

Кармазина Елена Викторовна – кандидат философских наук, доцент, Сибирский университет потребительской кооперации.

E-mail: Karmazin.88@mail.ru

судьбе. Система в ее соотношении со свободой образует одну из главных проблем современной социальной философии.

Главным персонажем философии свободы является инстанция «субъект» (концепт субъекта), трактуемый в современной философии в антропологическом и социально-практическом значениях. В новоевропейской интерпретации субъект есть «подлежащее» [1, с. 48], инстанция, образующая основание познания и практической деятельности, поскольку во внутриличностном аспекте выполняет функции внутренней центрации («самособирания») и целеполагания. Это «подлежащее», фактор внутренней целостности, создающий потенциал самопричинности личности, может быть понят как ее «основание в себе». Концепт субъекта в его современном смысле выражает также идею активности и так называемой нефактичности личности ее незавершенности, «открытости» в конечном итоге, свойств, обуславливающих способность самопричинности, внутренней активности, потенциал самосознания, целеполагания и творчества. Все содержательные и эвристичные определения свободы осуществляются в пространстве и предметном поле субъектности, в ее противопоставлении объектности и объективации.

Другая сторона философии субъекта заключается в том, что любая попытка представить субъектность вне связи с объектностью, как царство свободы, победившей «падший» мир необходимости, обречена на неудачу. Теоретическая парадигма субъектности может быть построена исключительно на фундаменте противоположных ей объектных начал и во взаимосвязи с ними.

В человеческой душе, в структуре внутреннего мира личности присутствует взаимосвязь субъектных и объектных свойств. Дискурс идентичности центрируется тематикой поиска и определения внутриличностной инстанции, осуществляющей функции самоопределения и «самосборки» личности – оформления ее внутренней качественной определенности, самотождества. Материалы междисциплинарных исследований показывают, что в качестве такой инстанции может выступать только сильное, сознательное и рефлексивное Я. Все концепции личности, тяготеющие к принижению и потенциально – к элиминации в структуре личности «собирающей», рефлексивной и тем самым «усложняющей» внутренний мир личности инстанции Я, фундаментально противоречат духу свободы (самоопределения). Свобода связана с внутренней сложностью, а не с внутренней простотой личности.

В проблематике структурирования личности и самосознания тайна свободы предстает также в качестве проблемы меры отождествления/дистанцирования (отчуждения) Я по отношению ко всем значимым внешним и внутренним «обстоятельствам», материалу самоконструирования. Нарушение меры продуцирует патологию идентичности и утрату возможности свободы. Это либо «слияние», «растворение» Я в «обстоятельствах» (социальных ролях и нормах, групповых образах «Мы»), либо самозамыкание, изоляция, аутизм и нарциссизм («рабство у себя самого»). Свобода не допускает ни утраты, ни абсолютизации каждого из двух фундаментальных начал человеческой жизни – «основания в себе» и «основания в ином».

При всей значимости в идейном комплексе свободы проблематики индивидуального самосознания и персонального самотождества свобода не может быть сколько-нибудь адекватно понята только через осмысление факторов сознания и самосознания. Она не может быть выстроена в логике «чистой субъективности», в жизненных стратегиях, выражающих «необходимость себя». Равно как невозможна концептуализация свободы исключительно в смысловом пространстве субъект-субъектных отношений, «интерсубъективности», «жизненного мира», оформляющих социальность преимущественно в сферу личных отношений «Я и Другой». Нелепо было бы отрицать значение субъект-субъектного аспекта социального взаимодействия с точки зрения личностного развития и самоосуществления, самосознания и самореализации – в конечном итоге, свободы. Однако именно эта – межличностная сторона социальной реальности и социальных отношений в последнее столетие была настолько акцентирована и возвышена в антропологических и социально-философских текстах, что полностью заслонило другую сторону социального взаимодействия – безличную, объективную, представленную в многообразных феноменах объектности и объективации – образно говоря, «интеробъективность». Между тем исследование свободы требует анализа обеих реально существующих сторон социального взаимодействия. Невозможно ограничиться в исследовании человеческой жизни и свободы «возвышающим» принципом персонализации при игнорировании факторов деперсонализации, которые якобы только унижают людей, маркируют их «частичность» и анонимность, разрушая, таким образом, все «подлинно человеческое» содержание их жизни. Необходим более взвешенный и сбалансированный подход к исследованию обеих сторон социальной реальности, последовательное противопоставление которых правомерно только в теоретической абстракции.

Свобода не может пребывать исключительно в сфере духа. Для того чтобы обрести реальность, она должна укореняться в предметности мира и бесконечном многообразии предметной деятельности, испокон веков образующих родовые сущностные основания человеческой жизни и выражающих, образно говоря, «необходимость дела». Действие, дело, целедостижение – это наиболее жесткий и жестокий императив, определяющий жизнедеятельность людей и выстраивающий ее в логике «объективной необходимости». Однако мир производства, деятельности в его реальном значении для людей не выступает лишь в качестве «неизбежного зла», демонической сущности, отчужденного монстра, который обеспечивает людям хлеб и кров, но взамен забирает их души. При всех тяготах повседневного труда и бесчисленных жертвах, приносимых людьми «на алтарь» хозяйства, экономики, формальной рациональности и экономической эффективности, именно мир предметной деятельности исторически развивает и несет в себе потенциал всего «подлинно человеческого» мышления, знания, самосознания, творчества, индивидуализации и, в конечном итоге, свободы. Субъектность личности развивается из объектности, из объективаций действия и знания, из оформляющих действие и знание социально-системных структур – социальных норм, ролей и институтов. Эти социально-системные модусы, отчужденные безличные начала социальности, обобщенно именуемые «системой», принципиально амбивалентны

в их значении для человеческой жизни. В них представлена тирания анонимных социальных отчужденных структур – «сил единого и подобного» (универсального и безличного) – как неоднократно отмечали теоретики философии различия, развивающие идею «чистой субъективности» и свободы, трактуемой только в ее «внесистемном» качестве. Но в этих же системных модусах представлена и единственно возможная опора свободы – индивидуально-личностной субъектности, подразумевающей самоопределение и самореализацию. Реальная свобода всегда проявляется в социальном действии, а всякое социальное действие, выходящее за пределы уникальности и случайности, «находит опору» в социальных институтах. Институциональная, то есть зафиксированная в социальных нормах и институтах (социальных объективациях), свобода представляет собой реальное воплощение и необходимое условие свободы субъективной. Классическая антиномия свободы и необходимости предстает в виде неумолимой дилеммы: институциональность социума потенциально угрожает свободе личности, но свобода личности потенциально возможна только в формах институциональности. Только совмещение противоположностей субъективации и объективации может обеспечить понимание свободы.

В отношении к социальной системе свобода выступает в двух основных аспектах, системном и внесистемном качестве. Внесистемная свобода в своей концептуализации преимущественно обозначает область индивидуальной автономии в смысле «свободы от» (часто именуемой негативной свободой), а со стороны содержания, в плане «позитивных» характеристик, фиксирует уникальность индивидуально-личностной экзистенции и неповторимость личной судьбы. Здесь проявляется доминанта принципа различия, как правило, присутствуют императивы личностного развития как обособления и индивидуации. В такой интерпретации внесистемная свобода трактуется весьма широко и вбирает в себя, наряду с потенциальным многообразием творческих возможностей, произвол радикального Я («делаю, что хочу») со всеми сопутствующими проявлениями аморальности. Пафос вне-системной свободы определяется возвышением субъективных начал человеческой жизни, богатства и глубины внутреннего мира личности, что проявляется и в межличностном взаимодействии, в контексте диалоговой коммуникации. Эта персоналистическая ценностная установка закономерно присутствует в общей гуманистической ценностной парадигме, но почти однозначно порождает негативную оценку социально-системных начал, для которых характерны объективно заданные императивы «частичности» и функциональности индивидуальной жизнедеятельности, которые всегда утверждают принцип персональной частичности.

Концепция системной свободы является более сложной и внутренне структурированной, она включает несколько идей, каждая из которых образует определенное направление интерпретации индивидуально-социального взаимодействия. В самом общем виде они сводятся к следующему. Система по отношению к личности выступает не только как набор предписаний (ограничений и требований), но и в качестве набора ресурсов, «поля возможностей», вне которого самореализация и развитие личности практически неосуществимы. Мотивация «самоосуществления» есть

связующее звено между личностью и системой, механизм, обеспечивающий потенциал интеграции личности в систему (по крайней мере, во всех относительно развитых обществах, уходящих от доминанты прямого принуждения и насилия). Соответственно, личность в контексте системных влияний никогда не рассматривается исключительно в своем объектном (функциональном) качестве, также акцентируется и субъектная составляющая системно организованной социальной деятельности.

Общий принцип «системной» свободы проявляется, в первую очередь, в двойственном статусе культуры, совмещающем социально-системное и индивидуально-личностное начала в режиме их «взаимопроникновения» [2, с. 48; 3, с. 459] и взаимного обусловливания. По отношению к личности культура представляет собой нечто внешнее и одновременно внутреннее. В культуре человек проявляет себя как объект и субъект, как часть и целое, как «инстанция» зависимая и «инстанция» самоопределяющаяся. В этом плане принцип «системной» свободы актуализирует проблему меры – это понятие классической философии может служить для обозначения сфер, способов и форм совмещения указанных выше противоположностей. Для каждого человека культура, как и система в целом, есть одновременно принуждение и свобода, внешняя безличная сила и поле личных возможностей, постоянная угроза самобытию личности (в качестве стандартов и правил, норм и ценностей) и необходимая опора личностного самобытия источник «ресурсов» и способ личностного самовыражения и самореализации. Принцип «системной» свободы требует именно меры конформизма и нигилизма – принципов «быть, как все» (акцентирующего «тождество») и «быть самим собой» (выдвигающего на первый план значение индивидуальности, «различия»). Эта мера всегда уникальна в зависимости от исторических, социальных и личных «обстоятельств». Вместе с тем нарушение равновесия в столь сложном, тонком, и фундаментально значимом вопросе: о степени «согласия» личности с нормами и ценностями культуры – всегда чревато разрушением, деструкцией и деградацией. Каждый человек в своем отношении к культуре и системе потенциально выстраивает (далеко не всегда осознанно) стратегии поведения в логике совмещения начал конформизма и нигилизма (согласия и отрицания, «тождества» и «различия»). Как правило, люди стремятся найти меру в таком совмещении противоположностей, и каждая личная судьба в определенном смысле образует уникальную меру этих противоположных начал.

Ни одной из противоположных культурных и жизненных стратегий обеспечения системной свободы невозможно «пожертвовать». Нельзя избавиться от потенциального «бунтарства» и нигилизма субъективного духа, зафиксировав ценности культуры в их социально-объективированном «инобытии» и безусловности авторитета. Равно недопустимо безмерное возвышение индивидуальности, ее «культ», который развивается в нарциссизм «властвующего Я», не признающего никаких сдерживающих и обязующих начал, репрезентируемых объективированной системой и культурной традицией. Ни одна из этих форм бытия духа в своей «отдельности» и «особости» не образует сущности свободы. В качестве «внутреннего», в бытии индивидуально-личностного (субъективного) духа, в рождении идей, мыслей, эмоций и художественных образов идейное содер-

жание культуры представляет собой, вероятно, наиболее значимое в человеческой жизни проявление творчества и свободы. Ставшее «внешним» социально-объективированным и институционализированным – идейное содержание культуры трансформируется в «механизм социального контроля» (образцы, нормы и эталоны), но одновременно выступает (как и в случае с социальными ролями-статусами) в качестве ресурса, «богатства», «культурного наследия» основания самоформирования и саморазвития каждой отдельной личности.

Общий смысл и логика «системной» свободы выражены не только в концепте «взаимопроникновения» личности и культуры (системы), но и в общей концепции социального развития, акцентирующей его объективные тенденции и закономерности. Согласно базовым идеям общетеоретической социологии, исторически развивающуюся объективную тенденцию дифференциации социальных и культурных институтов следует рассматривать в качестве «институционального обеспечения» свободы. Объективная, «безличная» логика возрастания неоднородности социальной системы, ее эволюционного самоусложнения выступает как необходимое условие и глубинное основание индивидуальной свободы. По мере усложнения социальной системы и культуры (то есть по мере дифференциации институтов, составляющих различные подсистемы общества, развития ими собственных ресурсов, независимых параметров и критериев действия) происходит усложнение и одновременно «автономизация» индивида как личности. В этом смысле свобода необходима не только личности, которая, как это традиционно понималось, в вечной борьбе с безличными структурами «отвоевывает» в системно заданных рамках и границах пространство собственного самоопределения и личной автономии. Свобода (то есть самоопределение) личности необходима самой системе в том смысле, что сложному и многомерному «социальному порядку» для его функционирования требуется сложный и многомерный человек. В этом пункте субъективная необходимость («необходимость себя») и объективная необходимость («необходимость дела») в общей тенденции развития совпадают.

Автономия личности – это не устранение регуляции, а перевод регуляции из «внешнего» во «внутреннее», а также расширение предметного поля системно-внесистемной самореализации личности. Рассмотренная в данном аспекте проблема свободы выступает как вопрос мотивации индивидуальной деятельности. Формула «взаимопроникновения» личности и системы подразумевает, с одной стороны, интеграцию социокультурных феноменов в мотивационную структуру личности, но с другой – интеграцию индивидуальных «мнений» и оценок в системный ценностно-нормативный комплекс. Интеграция индивида в систему может превратиться в «порабощение личности» и «тиранию системы», но только в том случае, если мера противоположных начал – конформизма и нигилизма, «тождества» и «различия» – в персональной идентичности нарушена. «Растворение» индивида в системе, полное отождествление себя в самосознании с системными модусами и отсутствие по отношению к ним внутренней дистанции обозначает ситуацию деперсонализации и духовного рабства. В норме отношения системы и личности принципиально амбивалентны. Индивид участвует в создании социального порядка как необходимого

условия собственной жизнедеятельности, интегрирующего факторы объектности и субъектности. Социальный порядок ограничивает возможности личностной самореализации в логике нормативности и функционально-ролевой «частичности», но одновременно радикально расширяет возможности самореализации, поскольку представляет собой путь от индивидуального к универсальному и всеобщему, а также доступ к ресурсам, формируемым не в масштабе личной судьбы и личных отношений «интерсубъективности», а в масштабах человечества. Внутренний мир личности несравненно богаче и сложнее отчужденного мира объективированных сущностей, однако обратный тезис тоже верен: объективированный мир системных и культурных феноменов несравненно богаче и сложнее индивидуальной экзистенции. Просто это разные измерения богатства и сложности. Не отсутствие системы – «социального порядка» создает свободу индивида, а присутствие такого социального порядка, который «усложняет жизнь» и требует от индивида рефлексивности и внутренней сложности. Такой социальный порядок, акцентируя необходимость самостоятельного мышления, выбора и решения, стимулирует развитие внутриличностных «инстанций», способных обеспечить «самостояние» личности и обеспечивает внутренний (внутриличностный) потенциал свободы. Не менее важное значение имеет и формирование в рамках социального порядка «внешнего» по отношению к личности потенциала свободы – социальных институтов (рыночных, правовых, государственно-демократических, информационных), на которые индивид может опереться в своем выборе и решении – в самоопределении. Если же принять во внимание, что социальный порядок (система), будучи нормативно-реляционным феноменом, самостоятельной способностью мысли и действия не обладает, что в конечном итоге мыслят и действуют только люди, то индивид создает свою свободу (потенциал самоорганизации и самореализации) в той мере, в которой способен использовать объективно необходимые системные «устои» для достижения собственных экзистенциальных целей, для творчества личной судьбы с ее собственной уникальной канвой значимых событий и лиц, но и не менее уникальной мерой принципов «различия» (индивидуальности) и «тождества» (родовой всеобщности). В этом смысле вся многовековая эволюция диалектически взаимосвязанных принципов системного регулирования и свободной самореализации имеет основанием соотношение «системных стратегий» принуждения и согласия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. – М. : Республика, 1993. – 447 с.
2. Парсонс Т. О социальных системах. – М. : Академический проект, 2002. – 832 с.
3. Парсонс Т. О структуре социального действия. – М. : Академический проект, 2002. – 880 с.

Принята редакцией: 23.12.2011